

На правах рукописи

Диденко Алла Борисовна

**ИДЕОЛОГИЧЕСКИ МАРКИРОВАННЫЕ ОНИМЫ
В ТЕКСТЕ АНТИУТОПИИ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА Е. И. ЗАМЯТИНА «МЫ»)**

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика

Автореферат

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Ростов-на-Дону – 2026

Работа выполнена на кафедре теории языка и русского языка
Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Научный руководитель: **Кудряшов Игорь Александрович**
доктор филологических наук, профессор
ФГАОУ ВО «Южный федеральный
университет» Институт филологии, журналистики и
межкультурной коммуникации / кафедра
теории языка и русского языка, профессор

Официальные оппоненты: **Озерова Елена Григорьевна**
доктор филологических наук, профессор
ФГАОУ ВО «Белгородский государственный
национальный исследовательский университет /
Педагогический институт / историко-
филологический факультет / кафедра русского
языка и русской литературы, профессор

Черкасова Инна Петровна
доктор филологических наук, профессор
ФГБОУ ВО «Московский государственный
университет технологий и управления им. К.Г.
Разумовского (Первый казачий университет)» /
факультет социально-гуманитарных технологий /
кафедра иностранных языков, профессор

Защита состоится «4» марта 2026 г. в 10.00 часов на заседании
диссертационного совета ЮФУ801.03.06 при ФГАОУ ВО «Южный федеральный
университет» по адресу: 344006, ЮФО, Ростовская область, г. Ростов-на-Дону, ул.
Большая Садовая, 105/42, а. 203.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Южного
федерального университета по адресу: г. Ростов-на-Дону, ул. Зорге, д. 21Ж, 2 этаж,
и на сайте Южного федерального университета по адресу:
<https://hub.sfedu.ru/diss/show/1347431/>

Автореферат разослан «___» _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета ЮФУ801.03.06
кандидат филологических наук, доцент Овсиенко Татьяна Владимировна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Понимание семиотической значимости онимов, вытекающей из создания вымышленных повествований, приобретает конструктивное значение для изучения широкого спектра возможностей антиутопического художественного текста, особенно тех, которые оказывают благотворное влияние на читательскую жизнь, включают в себя способность исцелять от психологических травм. Можно говорить о жанрово предопределяемых тенденциях образования и функционирования онимов, которые наделяются автором теми или иными – в том числе идеологическими – импликациями.

Актуальность данной диссертационной работы определяется:

- потребностями системного исследования конвенций общения рассказчика и читателя в рамках создания и интерпретации антиутопического художественного произведения;
- фокусом современной теории языка на проблематике, которая связана с определением статуса онимов в идеологическом контексте антиутопического художественного повествования;
- семиотической значимостью имени собственного как средства адаптации антиутопического художественного повествования к восприятию читательской аудиторией, «терапевтического» воздействия автора на читателя.

Степень разработанности проблем исследования. Анализ текущей лингвистической научной литературы свидетельствует о том, что функционирование онимов в художественном тексте характеризуется растущим исследовательским интересом, рассматривается как сопутствующая проблема либо при общем ономастическом анализе, либо на материале отдельно взятого автора. Данные изыскания предлагают оригинальные выводы относительно образования и функционирования имен собственных, т. к. заостряют исследовательский фокус на характеристиках имен в определенных контекстах (И. Д. Гаврилова, Р. Н. Каримуллина (2019), Т. Ю. Ларина (2022), О. В. Шеверина (2018)). В них предпринимается попытка многоаспектного лингвистического анализа онимов в литературных произведениях, влияния повествовательного контекста на общие языковедческие и ономастические критерии образования и функционирования имён. В этой связи полагаем, что рассмотрение имён собственных в литературных текстах в терминах изолированных элементов не является релевантным, поскольку в данном случае не выявляется весь спектр проблематики, неразрывно связанной с общим контекстом функционирования языка художественных текстов.

Цель исследования состоит в том, чтобы проанализировать семантические, прагматические и стилистические характеристики имён персонажей и топонимов в контексте антиутопического дневникового повествования *Д-503*. В сферу анализа попадает специфика формы, содержания и функций имён персонажей и топонимов антиутопического социума, их отличия от конвенциональных онимов. В то же время стремимся проиллюстрировать, что образование и функционирование имён собственных в антиутопическом тексте – в отличие от текстов иных жанров – предопределяются иными критериями, поскольку на первый план выдвигается идеологически маркированное смысловое содержание.

Объект исследования – семиотическая специфика образования и функционирования имён собственных.

Материалом анализа выступает текст романа-антиутопии Е. И. Замятина «Мы».

Предмет исследования – семантические, прагматические и стилистические аспекты авторского кодирования идеологических смыслов в имени собственном.

Гипотеза исследования. Образование и функционирование имён собственных в романе Е. И. Замятина «Мы» системно отражают идеологический, культурный и лингвистический контексты, в которых был создан этот антиутопический текст. Конструируя онимы, автор задействует и обыгрывает критерии определения единиц лексического уровня и ономастикона языка, что приводит к размыванию границ между именами собственными и нарицательными. С лингвистической точки зрения процессы образования онимов базируются на общих правилах словообразования, семантических характеристиках имен существительных. С точки зрения ономастики онимы подвергают деконструкции конвенциональные критерии определения имен собственных. В связи с этим фокус делается на семиотическом изучении имен персонажей и топонимов как сосредоточия множественных смыслов и функций, проявляющихся в тексте романа «Мы», поскольку семантическое содержание онимов фиксирует сущностные – внешние и внутренние – характеристики персонажей, носителей данных имен, а также категории хронотопа на коннотативном и денотативном уровне повествования.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. В настоящей диссертации предлагается комплексное теоретически и эмпирически обоснованное исследование онимов антиутопического воображаемого универсума Е. И. Замятина как системы идеологически маркированных языковых знаков, функционирующих в тексте романа «Мы», с точки зрения их универсальности, семантики, синтактики и прагматики. Представленные в работе научные результаты соответствуют следующим направлениям исследования, указанным в паспорте специальности 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика: п. 9. «Лингвистика языка и лингвистика речи. Речевая деятельность и использование языка. Лингвистика дискурса и лингвистика текста»; п. 11. «Исследование языка как системы знаков. Языковая форма, семантика и прагматика языка. Семиотические аспекты коммуникации. Исследование поликодовых текстов».

Достижение поставленной в диссертационной работе цели потребовало решения следующих **задач**:

- 1) произвести семиотическую классификацию имен собственных персонажей и выявить основания их идеологических коннотаций;
- 2) установить специфику экспликации смыслового идеологического содержания имен собственных персонажей и референциальных объектов, лежащих в основе их номинации;
- 3) определить специфику антропонимов как семиотических конструкторов, специфичных для романа Е. И. Замятина «Мы»;

4) произвести семиотическую классификацию топонимов и выявить основания их идеологических коннотаций;

5) проанализировать систему топонимов как компонентов антиутопического хронотопа.

Методологическая база диссертационного изыскания.

Общефилософское измерение методологии диссертационной работы основывается на таких концептуальных для современной теории языка положениях, как:

- «имя вещи есть сама вещь»: между словом о предмете и самим предметом выявляется тождество, поскольку слово – это энергия, выражение сущности предмета (А. Ф. Лосев (1993, с. 615));

- имя приобретает смысл только в контексте своего употребления, одновременно сохраняя независимость своего значения, фиксируя свою принадлежность как сознанию, так и бытию (И. В. Крюкова, О. В. Врублевская, О. В. Кирпичева (2016, с. 28));

- наделение субъекта именем предстает такой сферой исследования, которая комбинирует актуальные проблемы социосемантики и культурной семиотики, предполагает методы изучения, принятые в дисциплинах, изучающих культуру и общество (А. Х. Мерзлякова (2015, с. 255));

- имена собственные являются сложной системой, которая предполагает целый ряд интерпретативных процедур, поскольку в них заложены потенциально значимые взаимоотношения между формой и содержанием (Е. Ю. Муратова (2017, с. 127));

- имена собственные обладают значимыми коннотативными ассоциациями, которые активируются в акте символической референции, в связи с этим они выявляют импрессионистическое содержание как на поверхностном, так и глубинном уровне (О. А. Попова, А. А. Богданова, А. С. Щербак (2014, с. 331)).

Общенаучная методологическая база диссертационной работы системно отражается в применении следующих принципов, действенных для современного гуманитарного знания:

- междисциплинарная перспектива лингвистического изыскания: языковедческие концепции базируются на научных достижениях, достигнутых в смежных отраслях и частных гуманитарных науках;

- экспансизм: определение гибких корреляций между процессами функционирования языка и знаний, которые предполагают «размывание» границ лингвистики и выявление новых объектов и предметов для исследования;

- антропоцентризм: автор художественного текста наделяет персонажей характеристиками, которые являются ключевым компонентом виртуального мира, воссоздаваемого в тексте;

- функционализм: в авторском тексте и повествовании рассказчика языковой знак выполняет самые разнообразные стилистические функции;

- объяснительный характер: лингвистический анализ нацелен в том числе на интерпретацию особенностей восприятия художественного произведения читателем;

- принцип гомеостаза: создавая художественное произведение, автор поддерживает внутреннее равновесие между семиотическими средствами и коммуникативными намерениями.

Частнонаучные методологические принципы диссертационного изыскания основываются на теоретических концепциях, прослеживающих производность имен литературных персонажей от имен нарицательных с опорой на категорию «автор текста» (М. Е. Ляпидовская (2016), Н. Г. Склярова (2024)), объективирующих имманентную связь референциальной и идентификационной функции ономастической формы с денотатом (М. И. Тарасов (2017)); представлениях об имени собственном как текстовой манифестации авторских намерений по наделению имен коннотативным содержанием (Н. Ю. Шугаева (2015), (Т. И. Яковенко (2013))), направлением читательского внимания к сильным позициям текста (С. И. Клецкая (2017), Н. Г. Склярова (2025)). В рамках диссертационной работы мы инкорпорируем идеи из различных гуманитарных сфер, включая лингвистику (в частности, лингвистическую семиотику), ономастику, современные теории повествования.

Заявленные в диссертации цель и задачи обусловили использование комплексной **методики** лингвистического анализа сформированного иллюстративного материала: наряду с основным интерпретативным методом, который нацеливается на выявление семантической, прагматической и стилистической специфики имён персонажей в антиутопическом повествовании, системно задействуются конструктивные научно-лингвистические гносеологические методы (стилистический («декодирующий») анализ текста, индукция и дедукция, выявления неявных смыслов, разрабатываемые в прагматической лингвистике и лингвистической семиотике).

На защиту выносятся следующие положения:

1. В семиотическом плане имена собственные персонажей классифицируются на полнозначные лексические единицы и схематические комбинации букв русского и латинского алфавита и цифр; встречаются также номинации, состоящие из одной буквы русского алфавита. Имена персонажей формируют уникальную систему идеологических коннотаций, характерных для наблюдателей за исполнением законности и субъектов, отклоняющихся от жесткого антиутопического миропорядка, в той или иной степени сопротивляющихся ему. Между образами персонажей и их именами моделируются иконические и символические мотивационные отношения, которые фокусируют читательское внимание на том, что персонажи либо олицетворяют синекдоху иллюзорного коллективного «мы», либо воплощают иррациональность и сферу воображения.

2. Смысловое идеологическое содержание имен собственных персонажей эксплицируется с опорой на синтагматические и парадигматические отношения между ними в контексте дневникового повествования *Д-503*. Синтагматическая специфика системы антропонимов выявляет дестабилизирующий эффект воздействия на «Я» заурядного индивида в воображаемом антиутопическом универсуме. Парадигматические отношения между идеологически альтернативными подсистемами антропонимов проливают свет на контраст между

лиминальностью и деспотизмом. В референтном плане антропонимы лиминальных персонажей указывают на индивидов, испытывающих «социальную невесомость», имена персонажей, символизирующих деспотизм, – на субъектов, структурирующих социальные формы, представленные антиутопическим городом.

3. В романе «Мы» антропонимы моделируют специфические семиотические конструкторы, которые системно интегрируют глубинное смысловое содержание, проливающее свет на эмоционально-волевые и деятельностные характеристики образов персонажей, озвучивают авторскую точку зрения относительно таких онтологических категорий, как «свобода», «самоопределение», «идентичность личности», «любовь». Актантная схема А. Ж. Греймаса получает антонимичное наполнение при семиотическом анализе действий, осуществляемых персонажами, номинированными лиминальной подсистемой антропонимов. В этом случае тоталитарный субъект (*Благодетель*) и лиминальный субъект (оппоненты) меняются в схеме местами. Возникшая ситуация может быть описана следующим образом. Индивиды живут при абсолютной власти *Единого Государства*. Безупречный социум приближается к стадии идеально регламентированного мироустройства, однако отдельные «нумера» время от времени пытаются оспорить действенность *Часовой Скрижали*, внести хаос в устоявшийся порядок.

4. По мере разворачивания дневникового повествования *Д-503* ономастикон антиутопического универсума, окружающего персонажей, трансформируется от прозрачности к искажению и неоднозначному отражению в хронотопе *Единого Государства*. Оптическая игра номинаций, из которого состоит этот универсум, фиксируется в глубинной семантике географических названий объектов антиутопического города и его окрестностей. Географическая ономастика романа «Мы» управляется математическими и рациональными принципами, которые являются жесткими по форме и в семиотическом плане могут быть идентифицированы в соответствии со стилизованным проектом, схожим с системой антропонимов.

5. Хронотоп антиутопического города оперирует экстремальными архитектурными и визуальными кодами. Городские антиутопические пространства ассоциируются с гладкими, стерильными, технологически развитыми локусами, часто организованными с механической эффективностью. Экстремальные визуальные коды служат четкими сигналами критических форм общественного порядка. В романе «Мы» системно проявляются контрастные черты отношения между природой и цивилизацией: искусственное и угрожающее пространство города противопоставляется естественному миру сельской местности. Мир природы функционирует одновременно как реальное и ментальное пространство.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что впервые определены визуальные средства языковой системы, послужившие производящей основой для имён персонажей в антиутопическом повествовании, созданном отдельным автором, с опорой на такие понятия, как «модификация имени нарицательного» и «прозрачная внутренняя структура производного имени». Демонстрируется взаимозависимость семантического содержания имени литературного персонажа от оценочных суждений, выражаемых другими персонажами, доказано, что имена персонажей антиутопического повествования

формируются по определенным ономастическим моделям, в которых учитывается внешность, психология и идеологические установки номинируемого персонажа.

Теоретическая значимость основных выводов диссертации состоит в том, что она вносит вклад в последующее развитие ономастических лингвистических теорий, связанных с анализом антиутопического художественного текста и повествования, смыслообразующими сегментами которых выступают имена персонажей, разрушение конвенциональных моделей создания имени личного. Результаты изыскания способствуют последующей детализации лингвистической теории персонажей, не участвующих в повествовании, а лишь упоминаемых в монологической речи рассказчика, т. е. на грани иллюзорной и реальной сферы автора и читателя.

Практическая ценность диссертационной работы состоит в том, что основные выводы и используемый иллюстративный материал могут быть применены в дальнейших исследованиях ономастического пространства текстов антиутопической художественной литературы и сопряженной с этими исследованиями читательской интерпретации неявного семантического – и идеологического – содержания в этих текстах; в аспекте лингвистической прагматики – для анализа образов литературного персонажа как сферы устойчивого соотношения имени личного и его референта; в преподавании курсов по лингвистике текста, стилистике декодирования, художественной поэтики с опорой на перспективные направления по изучению языка прозаических произведений.

Результаты исследования прошли **апробацию** в докладах, представленных на 3-х конференциях различного уровня, а именно: всероссийской научно-конференции с международным участием *«Художественный текст: структура, семантика, стилистика»*, посвященной памяти д.ф.н., профессора Е. И. Дибровой (Москва, Российский новый университет, 27-28 апреля 2023); международной конференции *«Векторы развития русистики и лингводидактики в контексте современного филологического образования»* (Астрахань, Астраханский государственный университет им. В. Н. Татищева, 12 – 13 октября 2023); международной научно-практической конференции *«Иностранные языки в современном мире»* (Ростов-на-Дону, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), 13 ноября 2024).

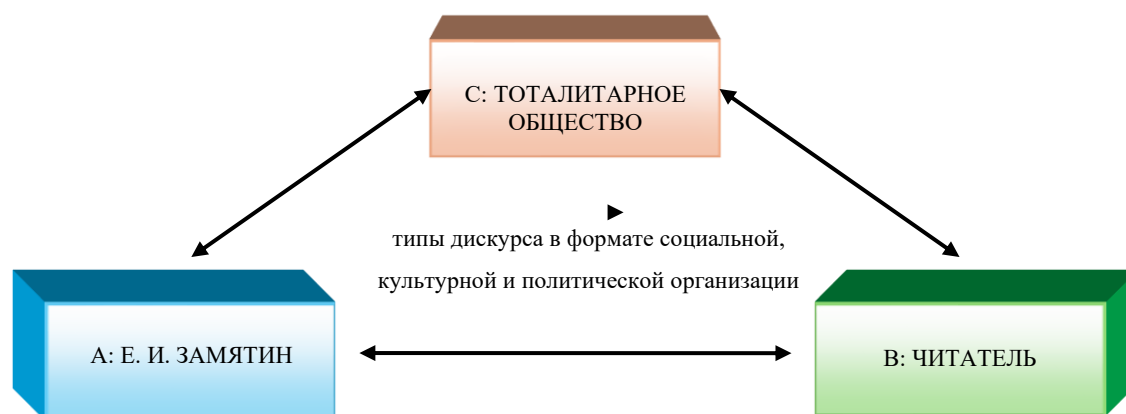
Поставленные цели и задачи определили композиционную **структуру диссертации**, отражающую исследовательскую логику и общие теоретические и практические постулаты анализа. Предлагаемая работа состоит из введения, трёх глав, заключения и библиографии. Общий объем диссертации – 193 страницы. Основной текст изложен на 176 страницах. Список литературы включает в себя 162 наименования трудов отечественных и зарубежных лингвистов, справочных изданий и текста романа Е. И. Замятина *«Мы»*, цитируемого при аргументировании выдвигаемых постулатов.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *введении* аргументируются выбор темы диссертации, её актуальность и научная новизна, определяются цель и задачи исследования, освещаются методы, используемые для их решения, излагаются структура и краткое содержание работы, формулируются её теоретическая и практическая значимость, выносятся положения на защиту.

В *первой главе «Семиотические основы исследования имени собственного в антиутопическом художественном тексте»* представлен критический анализ работ отечественных и зарубежных лингвистов, посвященных общим и частным вопросам семиотики и дискурса, лингвистической ономастики, в свете которых охарактеризован антиутопический текст как версия лингвосемиотической художественной системы, обладающей определенной конфигурацией и набором типологических признаков.

Воспроизводя воображаемый универсум, в котором каждый работает на всех остальных и каждый индивид принадлежит всем остальным индивидам, роман «Мы» фокусирует читательское внимание на будущем обществе Мирового масштаба, которое, усовершенствовав науку, пришло к тому, чтобы обесценить жизнь заурядных индивидов. Члены общества разделены на иерархическую классовую систему, индивид стал атомом в теле государства и ничем более. Персонажи лишены реальной индивидуальной идентичности. *Единое Государство*, следовательно, управляется безжалостной наукой. Роман бросает вызов научному мировоззрению, высмеивая его превознесение функциональных и коллективных целей над гуманистическими и индивидуальными воззрениями, что, по сути, является определяющей мотивацией антиутопического художественного текста. Рассматриваемые дискурсивные отношения в контексте романа «Мы» с опорой на модель П. Симпсона представлены на Схеме 1.

Схема 1. Трехсторонняя структура сатиры как дискурсивной практики в романе Е. И. Замятина «Мы»

Концептуализация общества, современного автору, занимает позицию С; Е. И. Замятин, как сатирик, занимает позицию А; а читатель – позицию В. С опорой на оценку дидактического замысла романа и сатирической природы

художественного дискурса связь между читателем и автором становится еще теснее, поскольку читатель разделяет озабоченность Е. И. Замятина тем, что наука трансформируется в механизм завоевания мира, а искусство утрачивает свою эстетическую значимость.

Антиутопия как жанр по своей сути связана с лингвистическим измерением: с отношениями между языком и обществом, языком и индивидом, а также с языком и мышлением (А. Е. Ануфриев (2014, с. 73), Т. Т. Давыдова (2023 с. 144), М. В. Покотыло (2012, с. 169)). При установлении указанных отношений большое значение имеет язык, используемый для обозначения отдельных объектов, действующих лиц или локаций, при этом ярко выраженные миметические и ярко выраженные фантастические аналоги обычно обозначаются одним и тем же апеллятивом. Ономастика авторских воображаемых универсумов формирует специфический академический формат изысканий, в котором детализуются онтологические – исторические, лингвистические, социологические и психологические – аспекты моделирования и функционирования онимов в мире объектов и хронотопе художественных текстов, механизмы отражения именем семиотической идентичности персонажей, географических конгломераций, фактов и элементов событийности (Е. Ф. Косиченко (2017), М. И. Кузьмина (2015), Е. Ю. Муратова (2017)). Прагматическая онтология художественного текста основывается на целом ряде принципов связного разворачивания повествования рассказчика, в том числе с учетом уникальных ассоциативных референций.

В этом аспекте онимы трактуются в качестве одного из ключевых конструктов авторского кодирования смыслового – глубинного – пространства, которое проектирует неповторимый воображаемый универсум (С. П. Васильева (2005), (2016), (2017)). Когнитивные и прагматические функции имен собственных лежат в основе текстовой реализации референциального множественного потенциала, который обладает универсальным характером в контексте повествования, стимулирует потребность читателя в декодировании авторских импликаций глубинного содержания. Онимы – это первичная – поверхностная и глубинная – идентификационная ипостась образа персонажа и объектов вымышленного пространства. Обладая такой функционально-прагматической нагрузкой в специфических контекстах художественного повествования, онимы преимущественно формируются как основа, производная от нарицательных субстантивных номинаций. Можно говорить как о прагматических функциях имени личного в антиутопическом художественном тексте, так и авторских стратегиях наделения именем персонажа. С одной стороны, имена поддерживают идею реалистического мимезиса, даются персонажам таким же образом, как и реальные субъекты наделяются именем. С другой стороны, имена собственные выступают принципом конструирования художественного текста, объектом металингвистической рефлексии в этом тексте.

Наделение персонажей именами трактуется в диссертации как яркий показатель художественной креативности автора-антиутописта, его предрасположенности к языковым инновациям. Инновационные имена личные, характеризуясь уникальностью, встречаются исключительно в одном литературном произведении: практика заимствования имен личных из текста

одного автора в тексты иного автора не является общепринятой. «Новые» персонажи наделяются новыми именами. Если же уже существующее имя личное, вопреки читательским ожиданиям, все же обнаружится в новом художественном контексте, то оно неизбежно рассматривается как прямая аллюзия на персонажа, исходно обладающего этим именем. Имена собственные, форма которых эквивалентна именам нарицательным, облают связями как с ономастикомом, так и с общим лексиконом языка, а поэтому предполагают наличие стандартного семиотического содержания. Структура значения такого имени тесно переплетается с семантикой имени нарицательного. В результате подобной интеграции порождаются новые уровни значения имени, предопределяющие его функциональный потенциал в тексте. Вследствие того, что лингвистические (фонологические, грамматические) и ономастические критерии специфической языковой культуры предопределяют процессы образования имен, сами имена начинают реализовывать самые разнообразные оттенки значения. В процессе образования таких имен наблюдается эксперимент в точке соприкосновения лексического уровня языка и его ономастического фонда, который обладает более инновационным характером, чем образование имен нарицательных.

Персонажи антиутопий, особенно те, кто подвергается угнетению при тоталитарном правлении, часто изображаются как субъекты, лишённые ожидаемых прав человека и свободы индивидуального переживания. Многие антиутопические общества придерживаются радикальных взглядов на то, что представляет собой «человечность», когда человеческая деятельность, язык и мышление ограничены, контролируются или предписываются. Разрушение названий и практики присвоения имен соответствует логике самого мира, который, отвергая все понятия «индивидуальности», пытается сделать устаревшей дифференциацию с помощью языка. Конвенциональные имена, как правило, адаптируются к художественному контексту, по воле автора приобретают принадлежность к художественной словесности и фикциональную направленность, а поэтому актуальным оказывается исследование их поверхностной формы и глубинного содержания.

Во второй главе «Имена собственные персонажей романа «Мы» как семиотические идеологические конструкты» с опорой на принятый концептуально терминологический аппарат анализируются семантические и прагматические особенности онимов главных действующих лиц, которые задействованы в дневниковом повествовании *Д-503*, дается их классификация, выявляются синтагматические и парадигматические отношения между тоталитарной и лиминальной подсистемами антропонимов.

Антиутопический ономастикон – это семиотический механизм авторского исследования концепции идентичности личности, связанной с поиском индивидуальности и свободы. Этот механизм основан на «*всех над одним, суммы над единицей*» (Е. И. Замятин (2022, с. 45)). В воображаемом универсуме Е. И. Замятина такая экзистенциально-философская позиция бессознательно управляет всеми аспектами жизнедеятельности антиутопического общества, связывая ономастикон этого общества с его контекстуальными основаниями.

В воображаемом универсуме текста романа «Мы» имена собственные персонажей формируются такими семиотическими конструктами, как:

(1) персонажи, управляющие Единым Государством и осуществляющие наблюдение за исполнением законности:

- полнозначные лексические номинации;

(2) персонажи, являющиеся рядовыми представителями *Единого Государства*:

- схематические сочетания букв русского и латинского алфавитов, а также цифр (нечетные числа репрезентируют персонажей мужского рода, четные – женского рода);

- одиночные буквы русского алфавита.

Глубинный – символический, идеологический – смысл этих имен собственных читатель извлекает из подтекста повествования.

В романе семь персонажей номинируются символами, обозначенными буквенно-цифровыми обозначениями следующим образом:

- *Д-503, Ю, Ф* (для номинации задействуются буквы русского алфавита);
- *I-330, R-13, S-4711* (для номинации используются буквы латинского алфавита);
- *О-90* (неоднозначная буквенная номинация, поскольку буква *О* может принадлежать как к латинскому, так и русскому алфавиту).

В контексте дневникового повествования можно выделить пять моделей ситуаций, в которых рассказчик проявляет внутренний идеологический хаос, отклоняется от строгих конвенций «антиутопического» миропорядка. Наряду с ним в эти ситуации, нестандартные для установившихся антиутопических идеологических воззрений, вовлечены еще два других персонажа или такая социально-политическая сущность, как *Единое Государство*. В схематическом плане данные взаимоотношения формируют такую математическую фигуру, как треугольник. Схемы этих взаимоотношений систематизируются в Таблице 1. (см. Табл. 1).

№	Схема	Комментарий
1.	<p style="text-align: center;"><i>Д-503</i></p> <p><i>О-90</i> <i>Д-503</i> <i>I-330</i></p>	<p><i>О-90</i> и <i>I-330</i> имплицитно различают границы женской привлекательности для <i>Д-503</i>, конкурируют за обретение любви со стороны рассказчика, чтобы войти с ним в интимную связь.</p>
2.	<p style="text-align: center;"><i>Д-503</i></p> <p><i>О-90</i> <i>Д-503</i> <i>R-13</i></p>	<p>Дружеские и нетривиальные взаимоотношения, установившиеся между тремя персонажами, а именно рассказчиком, его постоянной партнершей и поэтом, который один из первых погибает в идеологическом противостоянии с Единым Государством.</p>
3.	<p style="text-align: center;"><i>Д-503</i></p> <p><i>I-330</i> <i>Д-503</i> <i>Единое Государство</i></p>	<p>Бытийная основа сюжетной архитектоники дневникового повествования в тексте романа: идеологическое противление рассказчика и его возлюбленной миропорядку и мировоззрению антиутопического социума. Психологическая и морально-нравственная индивидуальность персонажей противопоставляется конвенциям социума.</p>
4.	<p style="text-align: center;"><i>Д-503</i></p> <p><i>Ю</i> <i>Д-503</i> <i>Пожилая женщина</i></p>	<p>В жизненных перипетиях рассказчика присутствуют два образа пожилых женщин: его мать и <i>Ю</i>, которая, возможно, испытывает материнские чувства по отношению к <i>Д-503</i>, из лучших побуждений доносит на него Хранителям.</p>
5.	<p style="text-align: center;"><i>I-330</i></p> <p><i>Д-503</i> <i>I-330</i> <i>Ф</i></p>	<p>Мнимое соперничество рассказчика и персонажа <i>Ф</i> за обладание <i>I-330</i>, которое нарушает конвенции антиутопического социума. Вследствие рассказчик начинает испытывать ревность, чувство, запрещенное в антиутопическом социуме.</p>

Таблица 1. Модели ситуаций, в которые вовлечен рассказчик, нестандартные для идеологии антиутопического социума

Одним из специфических ономастических проявлений в системе имен собственных в романе «Мы» является то, что обозначения приобретают значение и идентичность в зависимости от взаимодействия рассказчика с соответствующими персонажами: иногда буква, нанесенная на нагрудный значок, сливается с визуальным представлением рассказчика о персонаже. Идеологическое противостояние разворачивается между Единым Государством и повстанцами. Персонажи делятся в соответствии с буквами на две категории (номинаруемые буквами латинского и русского алфавита). *О-90* является связующим звеном между двумя категориями персонажей:

Схема 2. Семиотическая нагрузка персонажа *О-90* в сюжетной архитектонике романа «Мы»

Имена собственные персонажей многомерно иллюстрируют внешнюю ономастическую игру автора в соответствии с внутренними смысловыми закономерностями. Все идентифицирующие числовые сегменты имен персонажей созданы под влиянием переломных личностных моментов в карьере Е. И. Замятина: номинация *Аудитория 112*, встретиться в которой *Д-503* просит *I-330*, в частности является производной от номера камеры, в которой автор дважды содержался в заключении. Имена собственные двух женских персонажей заимствованы из проектов, над которыми работал Е. И. Замятин как военноморской инженер, непосредственно из технических характеристик любимого ледокола Замятина «Святой Александр Невский», № верфи А/В 905, мощностью 3300 тонн. Включение этих цифр в качестве обозначений в текст антиутопии обеспечивает контекстуальную информацию о том, какие события вдохновили автора на создание этого текста, и, как следствие, предстает сущностным фактором в общей интерпретации текста. Цифровые номинации органично вписываются в ономастическую систему антиутопического произведения.

Таким образом, мы подходим к сути взаимосвязи между именами собственными персонажей и антиутопической властью. Эти номинации

функционируют исключительно как индикатор того, что представляет собой индивид, а не кто он такой с психологической точки зрения. Независимо от того, какую форму принимают имена собственные персонажей, можно утверждать, что они составляют сущностную часть индивидуальности персонажей, и, таким образом, их идентифицирующая функция проливает свет на психологическую специфику персонажа. В читательском воображении эти номинации ассоциируются с авторским намерением: они объединяют антиутопическое общество и отдельного индивида в единое гармоничное целое. Экспликация глубинной идентичности персонажа – их базовая функциональная нагрузка в тексте антиутопии.

Система антропонимов в романе «Мы» отражает пессимистический взгляд на унитарный, однообразный универсум, в котором все онтологические реалии персонажей организуются и контролируются *Единым Государством*.

Синтагматическая специфика этой системы имплицитно деструктивные последствия правления тоталитарного режима в социуме, как этот режим вторгается в частную жизнь отдельных индивидов. Противопоставление идеологически альтернативных подсистем антропонимов фиксирует *Единое Государство*, в котором:

- неприкосновенность частной жизни более не ценится как гражданская добродетель, а законодательное право не воспринимается в качестве индикатора надежной силы рациональной и процветающей демократии;
- из-за деспотичных нравов *Благодетеля* персонажи вырождаются в одномерных субъектов, многоплановость и объемность которых давно уже ушла в прошлое;
- противники *Благодетеля* подвергаются безжалостному процессу трансформации, их заставляют замолчать и / или уничтожают.

Идеологически доминирующая подсистема антропонимов выражает диктаторский режим *Благодетеля*. Этот режим обладает патологией, характерной для тоталитарного правления, несправедливой политикой применения пыток для построения социума. Целью тоталитарной концепции этой подсистемы является не преобразование внешнего мира и революционизирующая трансформация общества, а гипертрофированное идеологическое искажение самой природы индивида. Идеологически подчиненная система антропонимов служит предостережением против *Единого Государства*, где обществом правит репрессивный режим, который функционирует главным образом для обеспечения и повышения собственной власти и статуса, воспринимается читателем как своего рода бунт против лицемерия, дискриминации, социальных и экономических реалий, которыми безжалостно манипулирует надстройка. В романе «Мы» антропонимы моделируют собой специфические семиотические конструкты, которые системно интегрируют глубинное смысловое содержание, проливающее свет на эмоционально-волевые и деятельностные характеристики образов персонажей, озвучивают авторскую точку зрения относительно таких онтологических категорий, как «свобода», «самоопределение», «идентичность личности», «любовь».

Так, в формате *Единого Государства* персонажи *Благодетель*, *Хранители* символизируют руководящий и надзирающий орган тоталитарного социума. В контексте романного повествования их имена собственные формируют идеологически доминирующую подсистему антропонимов, имплицитно:

- ограничение доступа представителям лиминального общества к знаниям;
- идеологическое структурирование этих знаний и доминирование внешне рационального, урезанного их фонда в терминах представлений о научном прогрессе, произведениях искусства, насыщенной социальной повседневности, сферы природных явлений;
- манипулирование указанными знаниями для поддержания контроля над мировоззрением заурядных членов лиминального социума (инкорпорирование и постепенное усиление стереотипов, согласно которым счастливый образ жизни и свободное существование формируют антиномию).

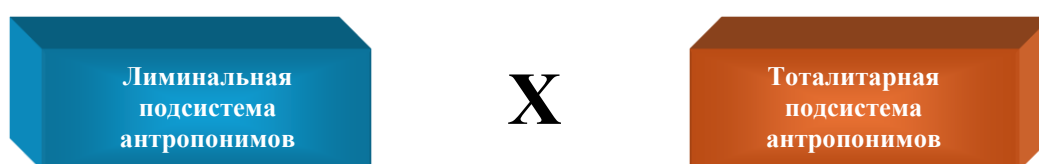
Персонаж *Второй Строитель* служит символом смиренных исполнителей воли руководителей тоталитарного социума. Его имя собственное примыкает к идеологически доминирующей подсистеме антропонимов, содержит следующие контекстуальные импликации:

- предостережение представителей лиминального социума от безрассудных действий;
- противодействие представителям лиминального социума, вставшим на путь преступной деятельности;
- информирование представителей лиминального социума о наказании лиц, совершивших противоправные действия.

Персонажи *Д-503*, *О-90*, *И-330*, *Р-13* символически репрезентируют представителей лиминального общества, в контекстуальном плане их схематические имена собственные образуют идеологически альтернативную подсистему антропонимов, наделены следующим смысловым содержанием: (1) тенденция к интенсивному проявлению внутренней душевной жизни, в том числе конфликту между идеалами, навязанными *Благодетелем*, и эмоционально-чувственной сферой; (2) способность нарушить запреты, налагаемые руководящими органами тоталитарного социума, в том числе заговор по захвату *Интеграла*; (3) стремление заглянуть за стену внешне рационального мира, приобрести собственное иррациональное пространство.

Мы исходим из содержащих неявную оценку суждений рассказчика *Д-503* о *Едином Государстве* и персонажах, с которыми он вступает в коммуникативный и личностный контакт. После двухсотлетней войны установившееся (антиутопическое) мироустройство регламентируется для формирования нового и «податливого» социума, поскольку *Благодетель* отрицает все лиминальное. Проясняется противоположность доминирующей и лиминальной подсистем антропонимов на основе добровольного и внушаемого противления персонажей, номинируемых схематическими именами собственными, политической программе верховного правителя. Эта оппозиция двух подсистем антропонимов – лиминальной и тоталитарной – систематизируются на Схеме 3. Имя собственное рассказчика *Д-503* также относится нами к лиминальной подсистеме антропонимов, поскольку он продолжает метаться между свободой и

стабильностью вплоть до конца романа (что является нарушением жестких правил тоталитарного мироустройства), когда обреченно подвергается Великой Операции по удалению воображения. В заключительной, сороковой по счету, записи журнала Д-503, который полностью подчиняется роботу, наблюдающему за операцией, признает, что «... в западных кварталах – все еще хаос, рев, трупы, звери и – к сожалению – значительное количество нумеров, изменивших разуму» [Замятин, 2022, с. 223]. Рассказчик единолично играет сущностную роль в порождении хаотического состояния, но в данный момент он этого не осознает. Движение сопротивления, которое возглавляется I-330, еще не достигло определенного успеха, однако вызывает сбои в антиутопическом государственном устройстве.

Схема 3. Подсистемы антропонимов как антонимичные сущности, лежащие в основе главного конфликта текста романа

В актантной схеме любое действие может быть дифференцировано на шесть компонентов, именуемых актантами. Рассказчик неявно оценивает одну и ту же сущность (*идеологические воззрения, царящие в социуме*), исходя из позиции тоталитарности (*Благодетель*) и *лиминальности* (*O-90, I-330, R-13*). Семиотическая репрезентация данного положения дел в контексте романа может быть воспроизведена в виде следующей актантной схемы:

Условные обозначения:

S-1 – тоталитарный субъект (*Благодетель*);

∨ – дизъюнкция субъекта с объектом;

O – объект (релевантная система ценностей);

∧ – конъюнкция субъекта с объектом;

S-2 – лиминальный субъект (*Д-503, O-90, I-330, R-13*).

Схема 4. Семиотическая репрезентация двух подсистем антропонимов по отношению к системе ценностей

Актантная схема А. Ж. Греймаса получает антонимичное наполнение при семиотическом анализе действий, осуществляемых персонажами, номинированными лиминальной подсистемой антропонимов. В этом случае тоталитарный субъект (*Благодетель*) и лиминальный субъект (оппоненты) меняются в схеме местами. Возникшая ситуация может быть описана следующим

образом. Индивиды живут при абсолютной власти *Единого Государства*. Безупречный социум приближается к стадии идеально регламентированного мироустройства, однако отдельные «нумера» время от времени пытаются оспорить действенность *Часовой Скрижали*, внести хаос в устоявшийся порядок.

Борьба за существование требует от персонажей, номинированных лиминальной подсистемой антропонимов (оппонентов), действий, связанных с защитой социума от персонажей, репрезентируемых тоталитарной подсистемой антропонимов (*Благодетеля* и ведомств *Единого Государства*). В этом направлении осуществляется предопределенность между целью и субъектом. Если оппоненты не способны поддерживать этот договор, социум будет продолжать страдать от политики «счастья», осуществляемой руководителем и ведомствами *Единого государства*. Помощники, внося хаос в реализацию *Часовой Скрижали*, выступают на стороне оппонентов. В ходе борьбы субъект проигрывает и терпит поражение, что в терминах семиотической репрезентации можно воспроизвести следующим образом:

Условные обозначения:

S-1 – лиминальный субъект (оппоненты);

∨ – дизъюнкция субъекта с объектом;

O – объект (релевантная система ценностей);

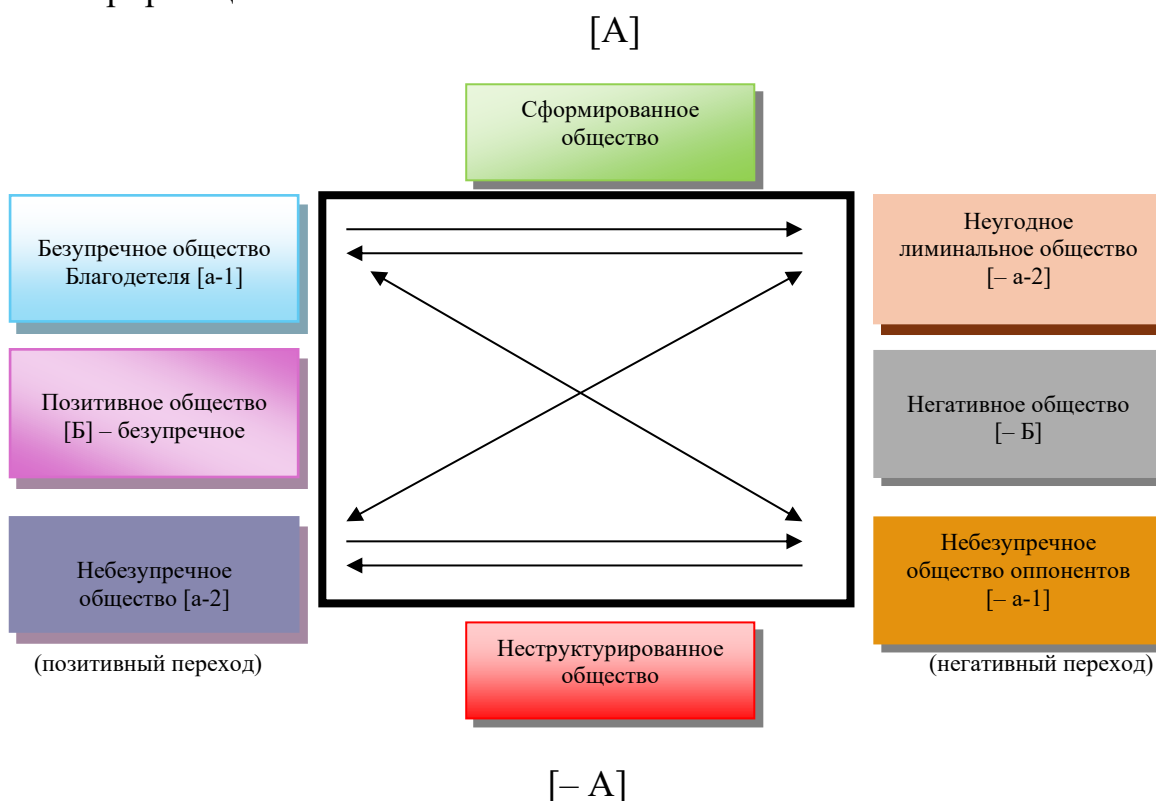
∧ – конъюнкция субъекта с объектом;

S-2 – тоталитарный субъект (*Благодетель*).

Схема 5. Семиотическая репрезентация борьбы персонажей, номинированных лиминальной системой антропонимов с Благодетелем

В семиотической схеме актанты не порождаются произвольным образом. Каждый элемент выводится из ситуации, освещаемой в тексте. Согласно данной схеме две подсистемы антропонимов (*Благодетель* и оппоненты) состязаются за доминирование в социуме *Единого Государства*. *Благодетель* ратует за жесткий регламент *Часовой Скрижали*, оппоненты борются за возврат к социальным структурам далекого прошлого. Представления о древнем и современном социумах формируют альтернативные идеологические концепции, поскольку обе подсистемы находятся в оппозиции друг к другу. То, что одним субъектом расценивается как безупречный социум, фактически является несовершенным социумом для другого субъекта. В этом заключается идеологический конфликт между подсистемами антропонимов. Оппоненты вносят хаос в регламентацию *Часовой Скрижали*, *Благодетель* с ее помощью поддерживает безграничное идеологическое доминирование в обществе, формирует новое поколение индивидов. Идеологические установки персонажей, номинированные тоталитарной подсистемой антропонимов (*Благодетеля*, представителями

ведомств *Единого Государства*), могут быть репрезентированы в терминах семиотического квадрата. Как иллюстрируется на Схеме 6, языковой знак наполняется семантическим содержанием, лишь вступая в отношения противопоставления с иным знаком, который принадлежит этой же самой системе. Схема семиотического квадрата дает возможность эксплицировать неявные знаки с контекстуальной (реляционной) семантикой, которые лежат в основе содержания понятий о тоталитарном (безупречном) и лиминальном (несовершенном) социумах. В свою очередь, семиотический квадрат получает множественную интерпретацию.

Схема 6. Семиотический квадрат безупречного социума, поддерживаемого персонажами, которые номинируются тоталитарной подсистемой антропонимов

Так, понятие о сформированном обществе [A] может быть проанализировано с позиций модели безупречного социума *Благотелья* [a-1] и модели несовершенного общества оппонентов *Единого Государства* [- a-1]. Семантический план понятия о бесформенном обществе распадается на две категории:

- (1) модель позитивного развития [- a-2];
- (2) модель негативного развития [a-2].

В формате этих двух различных планов [A] / [- A] модели социумов [a-1] / [- a-2] могут быть квалифицированы в поверхностной структуре повествования как позитивные, а модели [a-2] / [- a-1] – как негативные, что, в свою очередь, фиксируется в семиотическом квадрате категорией дексиса, отражающей как

позитивные [Б], так и негативные [- Б] реалии в становлении человеческих обществ. Ср.:

Позитивный дейксис [Б]: [- a-2] – [a-1]: модель отрицания лиминального общества, разрабатываемая *Благодетелем* – позитивные реалии в развитии модели безупречного социума *Единого Государства*;

Негативный дейксис [- Б]: [a-2] – [a-1]: модель несовершенного лиминального общества – негативные тенденции в развитии безупречного социума *Благодетеля*.

Отношения контражности:

[А] / [- А]: модель сформированного социума [А] – антипод моделей бесформенных обществ древности и оппонентов *Единого Государства* [- А];

[a-1] / [a-2]: модель безупречного социума *Благодетеля* [a-1] – антипод модель несовершенного лиминального общества [a-2].

Импликативные отношения:

[- a-1] → [a-2]: модель несовершенного древнего общества [a-2] – основа позитивных тенденций в развитии общества оппонентов *Единого Государства* [-a-1];

[-a-2] → [a-1]: модель трансформационного периода Двухсотлетней войны [-a-2] – основа позитивных тенденций развития безупречного социума *Благодетеля* [a-1].

Суппозиционные отношения:

[a-1] / [-a-1]: модель безупречного социума *Благодетеля* [a-1] – антипод позитивных реалий в развитии общества оппонентов *Единого Государства* [-a-1];

[-a-1] / [a-1]: позитивные реалии в развитии модели общества оппонентов *Единого Государства* [-a-2] – антипод модели безупречного социума *Благодетеля* [a-1];

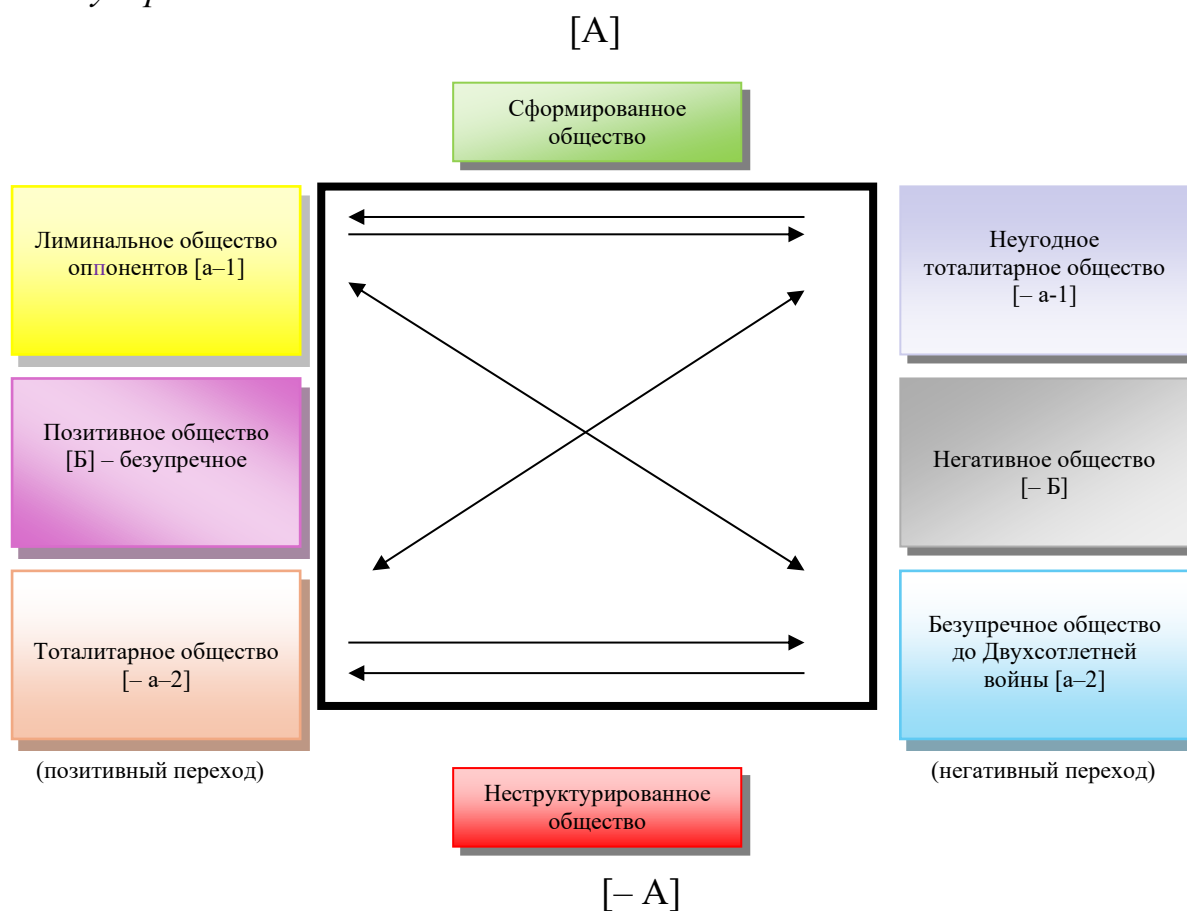
[-a-1] / [a-2]: негативные тенденции в развитии социума оппонентов *Единого Государства* [-a-1] – антипод модель древнего общества [a-2].

В соответствии с выводами, сделанными в результате анализа семиотического квадрата, социум *Единого Государства* представляет собой новую общность индивидов [a-1], в которую оппоненты вносят хаос своими представлениями о модели общества [a-2].

Столкновение персонажей, номинированных тоталитарной и лиминальной подсистемами антропонимов, т. е. двух идеологически альтернативных сообществ людей, слияние отступников *Единого Государства* и индивидов, обитающих в дикой природе, создает энергию и текущую историю. Время, которое наступает в *Древнем доме*, представляет собой своего рода отклонение. Он служит местом скрытой временной энергии. Неслучайно именно здесь происходит слияние мира *Единого Государства* и дикой природы. Форма журнала следует субъективной линии времени *Д-503*. Это означает, что он, персонаж и рассказчик, выбирает, о чем повествовать читателю, сколько внимания уделить конкретному событию. *Д-503* игнорирует неважные моменты, описывая тех, кто ему особенно интересен, значительно дольше, чем их действия объективно длятся.

Персонажи, выступающие против *Единого Государства*, прибегают к хаосу, чтобы противостоять тираническому режиму *Благодетеля*. Когда ситуация

оценивается в рамках желаемой / нежелательной оппозиции, релевантная модель общества, представленная *Единым Государством*, является нежелательной для персонажей, номинированных лиминальной подсистемой антропонимов (как и наоборот). Эта ситуация раскрывает глубинную причину конфликта между персонажами, репрезентируемыми тоталитарной и лиминальной подсистемами антропонимов. В этом отношении семиотический квадрат проектируется в соответствии с заявленной оппозицией как желаемой / нежелательной, которая также представляет собой основной конфликт между сеятелями хаоса и *Единым Государством*.

Схема 7. Семиотический квадрат безупречного социума, поддерживаемого персонажами, которые номинируются лиминальной подсистемой антропонимов

В соответствии со Схемой 7 в результате бесчеловечного обращения со стороны *Благодетеля* оппоненты предпринимают попытки внести хаос в устоявшееся мироустройство *Единого Государства*, чтобы вернуться к состоянию человечества до Двухсотлетней войны, когда люди чувствовали себя в непринужденных комфортных условиях. Чтобы осуществить эти желания, персонажи, номинированные лиминальной подсистемой антропонимов, призваны следовать указанному направлению. В текущий момент социум *Единого Государства* предстает нежелательным, тоталитарным сообществом [a-2], которое должно быть преобразовано в желаемое [a-1] для персонажей, номинированных лиминальной подсистемой антропонимов (оппонентов тех персонажей, которые

репрезентированы тоталитарной подсистемой антропонимов). Для достижения искомой цели оппоненты призваны пройти определенный путь от [а–2] до [а–1]. Однако для реализации этих намерений для них не существует прямого перехода от [а–2] до [а–1].

Неугодный для *Единого Государства* социум призван сначала претерпеть позитивный переход, а на следующем этапе он может преобразоваться в [а–1], чтобы стать социальным сообществом, угодным для персонажей, номинированных лиминальной подсистемой антропонимов. Эти персонажи должны пройти следующий путь [а–2] → [– а–2] → [а–1]. При избрании этого направления следования наблюдается логическая трансформация: реализуется переход от негативного сообщества людей [– Б] – к позитивному состоянию социума [Б]. Вместе с тем можно прогнозировать и противоположный сценарий, который представляет собой зеркально контрастный вариант первого сценария. В этом случае персонажи, номинированные лиминальной подсистемой антропонимов, могут следовать в следующем направлении: [а–1] → [– а–2] → [а–2], которое формирует общее преобразование позитивного состояния общества [Б] в негативное сообщество людей [– Б]. Семиотический квадрат, воспроизведенный на Схеме 7, эксплицирует авторское видение радикальной трансформации моделей идеологически альтернативных социумов, которые воспроизводятся персонажами, номинированными лиминальной и тоталитарной подсистемами антропонимов. Содержание исторических изменений преобразуется с учетом того, что в этом ракурсе освещения персонажи, репрезентируемые разными подсистемами антропонимов, начинают занимать зеркально противоположные позиции.

В *третьей главе «Онимы, объекты антиутопического города, как идеологические конструкторы»* предлагается семиотическая классификация топонимов в тексте романа Е. И. Замятина «Мы», определяются их идеологические коннотации, исследуются номинации окружающей воображаемой действительности как компоненты антиутопического хронотопа.

Каждое географическое название структурировано таким образом, чтобы отражать тщательно продуманные принципы, которые упорядочивают жизнедеятельность граждан и управляют антиутопическим обществом. Эти названия являются функциональными обозначениями, отражающими идеологическую структуру, лежащую в основе социума. Каждый аспект универсума, окружающего персонажей, в контекстуальном плане формируется вокруг единой идеологии, что приводит к порождению структурированного ономастикона, соответствующего идеологической направленности произведения и стилистической архитектонике антиутопической повседневности. Научно обоснованная и высоко рациональная структура антиутопической цивилизации не допускает каких-либо альтернативных философских размышлений, заменяя потенциал (который может быть потраченной впустую энергией) регламентированной продуктивной общественной деятельностью. В антиутопическом обществе отсутствует альтернативный способ существования, что достигается в том числе за счет использования семантической абсолютности нуля, идеологически маркированного числового символа, который обозначает

пространственные пределы этого общества. Есть *Единое Государство*, и более ничего нет.

В романе «Мы» топонимы номинируют объекты, которые воспроизводят, казалось бы, идеальный городской пейзаж *Единого Государства*, где прозрачность материалов – стены квартир полностью сделаны из стекла – абсолютная геометризация пространства, стандартизация и планирование поведения всех обитателей являются повсеместными. Эти объекты придают атмосфере антиутопического города лишь кажущийся знакомый характер, одновременно вызывая у читателя чувство постоянного беспокойства. Жители должны быть в гармонии с окружающей средой на основе экстремального манипулирования городским пространством, ориентированного на самую абсолютную рациональность, которая подрывает эмоциональные и когнитивные способности субъекта, приводит его в состояние крайней апатии или замешательства, к «смерти» – фигуральной или реальной. В антиутопическом городе, топонимы которого проецируют танатологическое пространство, крайняя одомашненность приводит к пустоте, к отсутствию реальных пространств чувств, к картографии смертельного значения: граждане обнаруживают, что существуют, по сути, в реальности, которая все больше и больше ломает и фрагментирует их. И в этом удушливом пространстве они теряют всякую связь со своими собственными реальными чувствами и, следовательно, со своей телесностью, потому что она сводится к чисто физическому присутствию.

Отношения и границы между пространством, номинируемым системой топонимов, и индивидом в романе «Мы» становится ключевой основой экспликации идеологических смыслов. Границы становятся важным источником динамики повествования – либо потому, что они существуют и нарушаются, либо потому, что их не существует. Эти границы разделяют: (1) сферы проявления частного и публичного, индивидуального и коллективного; (2) интимную жизнь, принадлежащую «Я» персонажа, от общего (или нарушаемого) пространства, контролируемого государством.

В контекстуальном плане номинации базовых топонимов в романе имплицитно сему «стекло». Этот материал лежит в основе порождения метафор, описывающих работу сознания и противоречивые желания персонажей, конструирования парадоксов и опасностей антиутопического мира. Стекло играет решающую роль в обеспечении государством обязательного уровня счастья. Несогласных пытаются удушьем в *Газовом Колоколе*, стеклянном колпаке в человеческий рост, а стеклянный ракетный корабль *Интеграл* призван донести видение совершенства *Единого Государства* до мирового сообщества, до самых удаленных уголков космического пространства. Сема «стекло» актуализуется прежде всего номинациями *Интеграл* и *Колокол*, которые являются стеклянными емкостями, а также средствами пропаганды обязательного счастья *Единого Государства*: первое предназначено для неизвестных обитателей других планет, второе – для «внутреннего врага». Стекло – настолько неотъемлемая часть мира *Д-503*, что он обращается к нему, когда ищет метафору, чтобы выразить свое внутреннее состояние. Первая подобная метафора встречается во второй записи:

рассказчик восхваляет голубое небо, «не испорченное ни единым облачком», называя его «стерильным» и «безупречным» (Е. И. Замятин (2022, с. 5)).

Городской антиутопический хронотоп выступает сущностным нарративным механизмом для выражения гиперболизированных размышлений о современных социально-политических структурах. Пространственные и временные измерения города-антиутопии отражают интеллектуальный застой, стандартизированную среду, создаваемую авторитарными системами контроля. Этот хронотоп не только формирует субъективное восприятие времени персонажами, но и отражает широкую историческую напряженность между энтропийным упадком общества и потенциальным революционным обновлением. Метафора энтропии, используемая для обозначения интеллектуальной инерции, контрастирует с понятием «энергия», представляющим преобразующую силу свободной мысли. Эта дихотомия особенно важна в контексте формирующихся социальных систем, которые подавляют индивидуальность и эпистемологическое разнообразие, создавая однородные общества, лишённые критического подхода. Антиутопический городской хронотоп предстает как структурный и символический элемент, отражающий крушение утопических идеалов и последствия системного контроля.

Хронотоп антиутопического города оперирует экстремальными архитектурными и визуальными кодами. Городские антиутопические пространства ассоциируются с гладкими, стерильными, технологически развитыми локусами, часто организованными с механической эффективностью. Экстремальные визуальные коды служат четкими сигналами критических трансформированных форм общественного порядка. В романе «Мы» системно проявляются контрастные отношения между природой (прошлым) и антиутопической цивилизацией (настоящим): искусственное и угрожающее пространство города противопоставляется естественному миру сельской местности. Что особенно важно, в тексте романа природная сфера функционирует одновременно как реальное и ментальное пространство.

В *заключении* обобщаются полученные результаты и подводятся итоги проведенного исследования.

Установлено, что лиминальная подсистема онимов системно иллюстрирует подмену естественного дискурса математикой, отражает мыслительные процессы и внешний облик рядовых граждан *Единого Государства*. Записывая мысли, переживания, фиксируя взаимодействия с другими заурядными персонажами, *Д-503* свидетельствует, как в повседневной антиутопической действительности использование слов, грамматики и повествовательных структур часто вытесняется математическими символами. Так, *О-90* не круглолицая, представляет собой круг, который нужно описывать с точки зрения округлости и дуг. *І-330* в очевидном отличии от *О-90* должна иметь форму *X* – не круглую, а угловатую, ее способность испытывать дискомфорт должна быть такой же, как и психическое расстройство, вызванное «смещенным иррациональным числом» или неопределенной переменной. В пространстве антиутопического города наблюдается радикальное избавление от полнозначных имен в сочетании с социальным строительством с помощью математического обоснования. Это одна из дискурсивных практических технологий, которую используют персонажи с тоталитарными онимами. Их цель –

уничтожение индивидуализма рядовых граждан антиутопического социума, номинированных лиминальной подсистемой антропонимов. Другая технология – это насаждение неизбежной публичной жизни его персонажей, номинированных лиминальной подсистемой антропонимов. При реализации таких дискурсивных технологий участие в коллективной деятельности и отказ от частной жизни оказываются неразрывно связанными. Семиотический анализ антагонистических – лиминальной и тоталитарной – подсистем антропонимов, а также топонимов, участвующих в моделировании хронотопа повествовательного пространства романа Е. И. Замятина «Мы» подчеркивает актуальность целого ряда проблемных узлов, исследуемых в формате лингвистики текста, а также в междисциплинарном аспекте.

Основные положения и результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

Публикации в ведущих рецензируемых журналах в изданиях, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и образования РФ:

1. *Диденко, А. Б.* Глубинные математические смыслы онимов в романе Е.И. Замятина «Мы» / А. Б. Диденко, И. А. Кудряшов // Гуманитарные и социальные науки. – 2025. – Т. 111, № 4. – С. 140-145. – DOI 10.18522/2070-1403-2025-111-4-140-145. (К2).

2. *Кудряшов, И. А.* Антиутопический универсум в романе Е. И. Замятина «Мы»: сосуществование пространств города и деревни в аспекте аксиологических категорий / И. А. Кудряшов, А. Б. Диденко // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2025. – № 3. – С. 206-219. – DOI 10.29025/2079-6021-2025-3-206-219. (К2).

3. *Кудряшов, И. А.* Семантика имени собственного как прагматическое средство идентификации жанровой принадлежности текста антиутопии / И. А. Кудряшов, А. Б. Диденко // Гуманитарные исследования. – 2023. – № 2(86). – С. 99-105. (К3).

4. *Кудряшов, И. А.* Семиотическая экспликация моделей идеологически альтернативных социумов в антиутопии Е.И. Замятина «Мы» / И. А. Кудряшов, А. Б. Диденко // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2023. – № 1. – С. 126-141. – DOI 10.29025/2079-6021-2023-1-126-141. (К2).

Публикации в сборниках материалов научных конференций:

5. *Диденко, А. Б.* Онтологические реалии антиутопического социума в романе Е.И. Замятина «Мы» / А. Б. Диденко // Иностранные языки в современном мире: материалы Международной научно-практической конференции, 13 ноября 2024 года / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Факультет лингвистики и журналистики ; редакционная коллегия: Н. М. Усенко (ответственный за выпуск), И. Г. Барабанова, Т. М. Гермашева [и др.]. – Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2024. – С. 370-375.

6. *Диденко, А. Б.* Проблема языка и власти в тексте антиутопии Е. [И]. Замятина "Мы" / А. Б. Диденко // Векторы развития русистики и лингводидактики в

контексте современного филологического образования : сборник научных статей по материалам III Международной научно-практической конференции, г. Астрахань, 12–13 октября 2023 года / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева ; редакционная коллегия: М. Л. Лаптева, З. Р. Аглеева, Ю. А. Васильева. – Астрахань: Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, 2023. – С. 22-25.

7. *Диденко, А. Б.* Парадоксальная взаимозависимость оппозитивных сущностей в тексте романа Дж. Оруэлла «1984» / А. Б. Диденко // *Художественный текст: структура, семантика, стилистика* : сборник материалов всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Елены Иннокентьевны Дибровой, Москва, 27–28 апреля 2023 г. / Министерство просвещения Российской Федерации АНО ВО «Российский новый университет» ; под общей редакцией Т. А. Голиковой. – Москва: РосНОУ, 2023. – С. 43-48.